

сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. [сост., пер. с франц., коммент. и послесл. С. Табачниковой ; общ. ред. А.Пузыря]. – М. : Касталь, 1996. – Т.1. – С. 97–268.

Доний Н.Е. Феномен телесного стайлинга в современном социальном пространстве.

Цель данной статьи состоит в раскрытии смысла концепта «телесный стайлинг», который описывает одну из граней существования индивида в современном социальном пространстве. Телесный стайлинг дает телу возможность избавиться от признаков болезни и старости, однако имеет элементы искусственности и превращается в проект, требующий разработки и внедрения. Человек, который придерживается требований проекта телесного стайлинга, не задумывается о собственной трансформации в автомат или машину. Считаем, наиболее негативным последствием увлеченности телесным стайлингом является то, что человек не получая от него того удовольствия на который она рассчитывал, все больше демонстрирует новые симптомы недуга «недовольство собой» – перенасыщенность жизнью, апатия, отсутствие смысла существования.

Ключевые слова: тело, стайлинг, идентичность, социум, мода, пластическая хирургия.

Doniy N. Phenomenon of bodily styling in Modern social space.

The world is changing, and therefore some phenomena change and they require rethinking. In recent years, a number of such phenomena enveloped the individuals' orientation to the various types of manipulation with his own body in order to achieve a certain bodily perfection. The purpose of this article is to reveal the meaning of the concept "bodily styling", which describes one of the aspects of the existence of the individual in contemporary social space.

The body since ancient times has been the only person data. It has also been an important symbolic way of transmitting the information about the social reality. It was indestructible and relatively stable. Social and cultural trends of the twentieth century provoked a series of processes as a result of which the statics disappeared, giving its position to dynamics. Naturally, that attitude to the body has changed dramatically - the body was presented as a kind of costume-suit, so the body has ceased to embody the fate. The body was perceived solely as a certain raw material which, for the sake of getting his new role requires processing technology. Thus, the body began to be perceived as an element of an artificial, mechanical environment, and thus goes into the category of those objects for which the technology of styling can be applied.

The bodily styling gives the body a chance to get rid of signs of illness and old age, but it has elements of artificiality and turns into a project requiring the development and implementation. A person who meets the requirements of the bodily styling project, does not think about his own transformation into an automaton or a machine.

We believe the most negative consequence of bodily styling passion is that a person not getting the pleasure from it, which he hoped for, shows more and more the symptoms of a new disease called "dissatisfaction" - oversaturation with life, apathy, lack of sense of existence.

Key words: body, styling, identity, society, fashion, plastic surgery.

Надійшла до редколегії: 28.03.2014

УДК 1 (091)

С. Г. Карпова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ФЕНОМЕН КРИЗИСА В ФИЛОСОФИИ О. ШПЕНГЛЕРА

Проанализирован феномен кризиса в философии О.Шпенглера. Обнаружены и исследованы в работах О. Шпенглера такие типы кризиса как «кризис культуры», «кризис философии», «историко-политический кризис». Проведено исследование методологического аспекта феномена кризиса. Рассмотрены формы и сущность «великого кризиса современности».

Ключевые слова: кризис, кризис культуры, кризис философии, методология, скептицизм, сравнительная историческая морфология, феномен.

Современный человек актуализирует «кризис» для себя и мира. В то же время, он чаще пытается осмыслить не столько «эссенцию» кризиса, сколько его «экзистенцию». Таким образом, как человек который занимается исследованием кризиса, так и тот, который не занимается исследованием, но живёт «в ощущении» кризиса, – оба они оказываются гносеологически ограниченными в пределах лишь экзистенции. Возможно, это происходит потому, что человек постигает не «сущность» кризиса, а только его «существование». По сути, воспринимается поверхностный

слой, а глубина оказывается за пределами даже самой возможности познания. Так, гносеологическая функция оказывается вторичной по сравнению с онтологической. Поэтому актуальными для современного научного знания остаются работы тех философов, которые пытались постичь не только экзистенцию, но саму эссенцию кризиса. Одним из таких авторов был представитель немецкой философии жизни Освальд Шпенглер. Последовательный и глубинный анализ философии О. Шпенглера, возможно, поможет приблизиться к пониманию эссенции кризиса и постичь те кризисы, с которыми сталкивается современный человек.

Данное исследование осуществляется в рамках комплексной темы кафедры философии ДНУ им.О.Гончара № 0113V004397 «Формирование философских, социокультурных и политических механизмов единства украинского народа в контексте разнообразия цивилизационных процессов современного глобального мира».

Исследования, в которых чуть ли не впервые анализировались философские построения О.Шпенглера, были опубликованы ещё в 1922 году, в сборнике «Освальд Шпенглер и закат Европы». Такие авторы как Н. Бердяев, Я. Букшпан, Ф. Степун, С. Франк в этом сборнике представили свои интерпретации творчества немецкого философа. Однако в этих публикациях кризис был осмыслен именно как «кризис культуры», и, к сожалению, кроме культурологического аспекта, другие контексты не были проанализированы. Последние исследования и публикации также недостаточно раскрывают данную проблематику. Украинские авторы, к сожалению, обращают свой исследовательский интерес именно на феномен жизни в философской концепции Шпенглера и косвенно анализируют феномен кризиса. Например, украинский философ О. Базалук, когда исследует философию Шпенглера, то основной акцент ставит на осуществлении экзистенциально-философского анализа феномена жизни. Российскими исследователями эта тема также раскрыта не полностью. Так, российская исследовательница Т. Сидорина в работе «Парадоксы кризисного сознания» хотя и приступает к философии кризиса О.Шпенглера, но акцентирует внимание именно на социокультурном срезе и не уделяет достаточного внимания методологическому аспекту.

Цель исследования – комплексный анализ феномена кризиса в философии О.Шпенглера. Основными задачами здесь будут как обнаружение и исследование методологического аспекта кризиса, так и прояснение сущности «кризиса современности», обозначенного немецким философом.

В работе «Закат Европы», опубликованной в 1918 году, О.Шпенглер приступает к анализу феномена кризиса европейской культуры. Тут кризис осмысляется в первую очередь через понятие «закат», что также фиксирует и дальнейшие векторы построения аргументации немецким философом. В предисловии к первому изданию первого тома «Заката Европы», написанном в 1917 году, Освальд Шпенглер обозначает исторический аспект проблематики и задачей книги видит не только «общую философию истории» [1, с. 127], сколько «...комментарий к великой эпохе, под знаком которой сложились ее путеводные идеи» [1, с. 127]. Он акцентирует внимание на исторической необходимости такого рода мысли. Но уже спустя пять лет, в 1922 г. в предисловии к последующему изданию работы «Закат Европы», он формулирует в своем роде незавершенность, неполноту книги: «Она содержит лишь одну сторону того, что предстает моему взору, лишь один взгляд на историю, своего рода философию судьбы, к тому же еще и первую в своем роде. Она насквозь созерцательна и написана на языке, силящемся чувственно копировать предметы и отношения, а не заменять их понятийными рядами...» [1, с. 125]. Репрезентирует Шпенглер свои положения в первую очередь посредством применения подхода И.Гете, где важным и в определенном смысле даже необходимым становится «благовение». Именно это «благовение перед тайной» [1, с. 125], как специфический подход Гете, который использует представитель философии жизни, объясняет, почему понятия и дефиниции не выходят на первый план в построениях О.Шпенглера. Ещё одно объяснение, которое приводит немецкий автор, – это то, что серьёзный читатель стремится не к дефиниции, а к взгляду на мир, который стремится быть открытым: «Кто занят дефинициями, тот не ведает судьбы. Понимать мир значит на моем языке устоять перед миром. Существенной остается суровость жизни, а не понятие жизни, как

этому учит страусовая философия идеализма» [1, с. 125]. Однако это не значит, что философ не обращает внимания на понятийный и методологический аппарат.

Как указывалось ранее, понятие «закат» О.Шпенглером в определенном смысле может быть воспринято как «кризис». В то же время частью современников немецкого философа словосочетание «закат Европы» было осмыслено сквозь призму пессимизма и катастрофизма. Во многом причиной тому стало суждение представителя философии жизни во «Введении» о том, что это «попытка предопределить историю», а также «проследить судьбу культуры, именно, единственной культуры, которая нынче на этой планете находится в процессе завершения, западноевропейско-американской культуры, в ее еще не истекших стадиях» [1, с. 128].

В то же время Освальд Шпенглер намечает не только исторический, но и обязательный философский аспект, реализуемый через онтологию. Это становится особенно явным, когда немецкий исследователь «закат Запада» анализирует как «феномен», зафиксированный в пространственно-временных рамках. Так, он отмечает: «Закат Запада, феномен, прежде всего ограниченный в пространстве и времени, как и соответствующий ему закат античности, оказывается, по всей очевидности, философской темой, которая, будучи понята в своей значимости, заключает в себе все великие вопросы бытия» [1, с.128-129]. Таким образом, если мы отталкиваемся от тождества концептов «закат» и «кризис» в построениях немецкого исследователя, то в таком случае и «кризис» может быть рассмотрен как феномен.

Ещё более философский аспект становится выраженным, когда О. Шпенглер акцентирует исследовательский интерес лишь на частично историческом аспекте и отмечает, что это «... лишь один взгляд на историю, своего рода философию судьбы, к тому же еще и первую в своем роде» [1, с. 125]. В таком смысле репрезентированный исторический аспект, в своей локальности оказывается на самом деле философским.

О. Шпенглер пишет о «великом кризисе современности» и отмечает, что попытаться постичь этот кризис необходимо посредством мира исторических форм, которые оказываются в данном случае более действенными. Сравнивая античность и современность, он приходит к идее «мирового города», к которому «принадлежит не народ, а масса» [1, с. 166]. Такой «массе» непонятна любая традиция, и она (масса) выступает против культуры. Это указывает с одной стороны на бесповоротную завершенность культуры, а с другой стороны на «некую исключительно новую, позднюю и бесперспективную, но вместе с тем и неизбежную форму человеческой экзистенции» [1, с. 166]. В этом, по сути, и проявляется кризис современности. И этот кризис оказывается реальностью, которую не просто возможно осмыслить, а «которая хочет быть увиденной, не глазами партийного функционера, идеолога, злободневного моралиста, из тупика какой-нибудь «точки зрения», но с безвременной высоты, взором, устремленным на тысячелетия мира исторических форм» [1, с.166-167].

Важным моментом является то, что О. Шпенглер актуализирует в определенном смысле и методологический аспект проблемы, с которой сталкивается современный исследователь. Так, он пишет о необходимости вопрошания человека при решении современных проблем. Немецкий философ отмечает, что вопрос должен быть направлен к самому себе и касается того, что «под силу» современному человеку, и что он «должен запретить самому себе» [1, с. 181]. По сути, Шпенглер всё-таки подразумевает этическую тему в связи с антропологической проблематикой. В том числе он не упускает и метафизический срез проблемы. Это обнаруживается когда немецкий автор, анализируя специфику постановки «проблемы», а также вопрошания современного человека, приходит к мысли о наличии метафизических задач в конкретной эпохе мышления: «Существует всегда лишь крайне незначительное число метафизических задач, решение которых зарезервировано за определенной эпохой мышления. И уже снова целый мир лежит между временем Ницше, когда еще веял последний ветер романтики, и современностью, которая решительно покончила со всякого рода романтикой» [1, с. 181]. Тут же, как видно на примере соотношения О. Шпенглером прежней и современной эпохи сквозь призму «романтики», обнаруживается своего рода «разрыв», который может в определенном смысле свидетельствовать о кризисе философии. Он обнаруживается в том числе благодаря

выявлению существования «на грани» исторического и философского срезом. При этом одной из важнейших проблем, при решении данного вопроса, становится тема метода. Методологический аспект проблемы намечается и актуализируется представителем философии жизни в связи с необходимостью использования «метода сравнительной исторической морфологии» [1, с. 182]. Согласно Шпенглеру, этот метод становится не просто возможным, но даже необходимым, для выхода из той ситуации, которая сложилась в современной ему философии. Так, немецкий автор пишет с одной стороны о завершении систематической и этической философии, с другой – о необходимости использования нового подхода [1, с. 181-182]. Аргументирует он положения о завершении систематической философии посредством проведенного историко-философского анализа. В результате этого анализа он считает конец XVIII ст. временем завершением систематической философии. Любопытным является то, что немецкий автор всё же видит возможную альтернативу этической и систематической философии. А «сравнительная историческая морфология» (как метод) по сути оказывается непосредственно подразумевающим историю философии и связанным с ней. Так, альтернативной возможностью-необходимостью, согласно О.Шпенглеру, реализуемой в границах духовного мира Запада, может стать третья философия «...соответствующая в пределах западного духовного мира античному скептицизму возможность, характеризуемая неведомым до сих пор методом сравнительной исторической морфологии. Возможность, т.е. необходимость» [1, с. 182]. При этом представитель философии жизни отмечает, что для современного мышления не подойдет античный скептицизм, аисторичный по своей сути, так как «он сомневается, говоря просто «нет»» [1, с. 182]. В отличие от античного аисторичного скептицизма, Шпенглер предлагает современный скептицизм Запада, который не просто внутренне необходим, символичен, но должен быть обязательно историчен по своей сути. Так, он пишет, что «Скептицизм Запада обязан, если он обладает внутренней необходимостью, если он должен явить собою символ нашей клонящейся к концу душевности, быть насквозь историчным. Он упраздняет, понимая все относительно, как историческое явление. В противовес этому мы принимаем историю философии как последнюю серьезную тему философии. Это и есть скепсис. Отрицаются абсолютные точки зрения: греком, когда он улыбается прошлому своего мышления; нами, когда мы понимаем это прошлое как организм» [1, с. 182]. По сути, Шпенглер тут подразумевает возможность существования современной ему философии не как этической или систематической, а именно как истории философии. Таким образом, он фактически фиксирует невозможность современной ему философии существовать в той форме, в которой она существует. С нашей точки зрения, он в определенном смысле акцентирует внимание на том, что философия пребывает в кризисе. Так, если отталкиваться от общепринятой в научном сообществе дефиниции «кризиса» в науке, то действительно рассматривая ситуацию, сложившуюся в современной философии немецкий философ подразумевает кризис. Так как с одной стороны Освальд Шпенглер сомневается в возможности не только использования этического и систематического метода, но и фиксирует, по сути, ситуацию невозможности использования этих методологических и концептуальных оснований в современной философской парадигме. В определенном смысле Шпенглер предлагает совершить поворот к новой методологии. При этом новый подход, который предлагается представителем философии жизни, ещё не введен в действие, а только планируется как потенциальный вариант. Подтверждение этому мы можем найти в работе «Закат Европы», где он отмечает, что в этой книге «...предпринята попытка бегло набросать эскиз этой «нефилософской философии» будущего – поелейней, должно быть, в Западной Европе. Скептицизм – это выражение чистой цивилизации; он разлагает картину мира предшествовавшей культуры. Здесь имеет место сведение все более давних проблем в плоскость генетического» [1, с. 182]. Этот методологический вариант потенциального скептицизма, возможной «нефилософской философии» предполагает что «историческое» оказывается в основании не только познаваемого, но и естественного. Таким образом, то, что было возможным для прошедшего, становится невозможным для будущего: «Для прошлого мышления

внешняя действительность была продуктом познания и поводом к этическим оценкам; для будущего она есть главным образом выражение и символ. Морфология всемирной истории неминуемо становится универсальной символикой» [1, с. 182]. В таком случае оказывается, что нет необходимости в «систематическом» и «этическом». Взамен этому появляется необходимость в «историческом» и «символическом». Так получается, по О. Шпенглеру, что «высшее мышление» уже не обладает «всеобщими и вечными истинами», а «истины существуют только по отношению к определенному человеческому типу» [1, с. 182]. При этом немецкий исследователь всё же не воспринимает такую свою потенциальную философию отражением мировоззренческих оснований всей мировой цивилизации, начиная с античности до современности. Скорее наоборот, он отмечает, что «... моя философия является выражением и отображением лишь западной души. ... и притом лишь в ее нынешней, цивилизованной стадии, чем и определяются ее мировоззрительное содержание, ее практические последствия и сфера ее значимости» [1, с. 182]. По сути, Шпенглер не только фиксирует наличие кризиса, но и предлагает собственную методологию, используя которую можно постичь и преодолеть его. В то же время основной его задачей становится не столько разбор причин кризиса, характеристики и систематизации кризиса, сколько анализ кризиса культуры, осмысляемого через «конец культуры». Но более значительной для О. Шпенглера является разработка собственной философии, опирающейся на специфический метод, а это, по сути, ещё раз указывает на то, что при рассмотрении феномена «кризиса» немецкого исследователя интересует больше методологический аспект постижения этого феномена. Так, в работе «Закат Европы» представитель философии жизни формулирует следующее решение сложившейся проблемы – это «... анализ конца западно-европейской, распространенной нынче по всему земному шару культуры. Цель, однако, сводится к разработке некоей философии и свойственного ей метода сравнительной морфологии всемирной истории, подвергаемого здесь проверке» [1, с. 182].

Однако возможно обнаружить в философии О. Шпенглера то, как он характеризует «кризис» и специфику его проявления. Так, в его построениях феномен кризиса обуславливается также возникновением «мирового города». Немецкий философ проводит параллель между эпохами эллинизма, барокко и современной, и находит соответствие между ними. То, что объединяет их – это единый духовный процесс, который привел к созданию «большого города», и формированию «духа мировых городов» [1, с. 166], противостоять и сопротивляться которому оказалось невозможным, что и стало, по сути, предвестником кризиса. При этом «мировой город» и само его существование – это результат преобладания и наступления «массы», и здесь, по сути, нет места «народу». Таким образом, Шпенглер фактически называет причиной возникновения кризиса появление «мирового города» и «массы». Это даёт нам основания интерпретировать положения представителя немецкой философии следующим образом. Так, возникновение кризиса не было внезапным, но «назревало» столетиями, а обострило «кризис» (в первую очередь – культуры) преобладание «массы» и массовой культуры. В связи с тем, что в мировом городе доминирует именно «масса», которая по большей части не ценит традицию и ведет борьбу против культуры, то и обостряется кризис именно в культуре. А деструктивное проявление «мирового города» выражается в следующем: «Мировой город означает: космополитизм вместо «отчизны», холодный фактический смысл вместо благоговения перед преданием и старшинством, научная иррелигиозность как петрефакт претставившейся религии сердца, «общество» вместо государства, естественные права вместо приобретенных. ... С этого момента благоприятное мировоззрение оказывается также и вопросом денег» [1, с. 166]. В это случае, как видно, пересекаются три аспекта – культурный, исторический и экономический. Причем в этом случае неожиданно преобладать начинает именно экономическая составляющая.

В том числе существует и специфическая «обнаженность» и одновременно «неуловимость» для мышления и сознания эпохи тех черт, которые стали характерными для «великого кризиса», осмысляемого О. Шпенглером. Немецкий философ анализирует современность, зафиксированную в кризисе, не просто посредством каузальной схемы, а через пограничное состояние современности. При этом со-

временность представляется Шпенглеру не как некая констелляция случайных национальных настроений, личных влияний и хозяйственных тенденций, а как «... тип исторического стыка времен, занимавшего биографически predetermined в ходе столетий место в точно установленных границах большого исторического организма» [1, с. 184-185]. Рассматривая данное положение, немецкий исследователь также предполагает, что существование разрозненности в устных и письменных источниках характеризует «кризис». Таким же образом может объясняться наличие и тиражирование рассеянности мнений. Шпенглер отмечает: «Несметное число самых страстных вопросов и доводов, рассеянных и разрозненных нынче в тысяче книг и мнений на ограниченном горизонте какой-либо одной специальности и оттого дразнящих, гнетущих и запутывающих, но не освобождающих, – все это и характеризует великий кризис» [1, с. 185]. В то же время возникает сложность в опознании идентичности кризиса и подобного рода рассеянных мнений, доводов и вопросов. Кризис, о котором пишет О.Шпенглер, с одной стороны характеризуется (через указанные выше аспекты), но при этом оказывается проявлен в конкретных проблемах (которые предчувствовал и пытался решить ещё Ф.Ницше). Так, например, кризис обнаруживается в искусстве (причем немецкий философ выделяет разнообразные проблемы – начиная с проблем «содержания» и «формы», и заканчивая проблемами в живописи, или музыке Вагнера). Но не только в этом проявляется кризис. Так, представитель философии жизни ещё пишет о следующих проблемах: «...упадок искусства, растущее сомнение в ценности науки; тяжкие вопросы, проистекающие из победы мирового города над крестьянством: бездетность, бегство из деревни; социальное положение флюктуирующего четвертого сословия; кризис материализма, социализма, парламентаризма; отношение отдельного человека к государству; ...массовый наплыв этнопсихологических трудов, посвященных мифам и культам, истокам искусства, религии, мышления, проблемам, которые внезапно стали трактоваться уже не идеологически, а строго морфологически...» [1, с. 185].

С точки зрения О. Шпенглера, такие проявления кризиса – это не многочисленные задачи, которые возникают перед человеком, постигающим современность, а одна, единая задача, которая предполагает необходимость поиска её решения через «заключительное учение». Тут Шпенглер хотя и предполагает существование подобных предчувствий и учений не только у Ницше, но и других авторов, но всё же, на наш взгляд, имеет в виду свое учение, а также возможность нахождения решения посредством его использования (отталкиваясь от идеи противоположности «истории» и «природы»). Он отмечает следующее: «...глубокая необходимость заключительного учения, которое должно было появиться и могло появиться только в настоящее время. Оно отнюдь не есть посягательство на существующие идеи и свершения. Оно скорее подтверждает все то, что было поиском и достижением целей поколений» [1, с. 185].

В то же время в построениях О.Шпенглера есть и другие контексты, в которых рассматривается «феномен кризиса». Так, немецкий философ анализирует ««одновременные» политические эпохи» в дискурсе культуры, которая не просто влияет на онтологический и символический аспект, но и на государственный. Здесь «кризис» и «распад» рассматривается в историческом контексте, когда говорится про «бытие патриархальных форм» [1, с. 198].

В том числе «кризис» анализируется Шпенглером в историко-политическом контексте, когда речь идёт о «историческом кризисе» и мировой войне [1, с. 183]. Но наиболее ярко историко-политическая тема рассмотрения феномена кризиса проявляется в построениях немецкого философа, когда он анализирует общественное развитие Средних веков и Нового времени. В связи с тем, что государственная власть была строго персонифицирована и сосредоточена в руках монарха, то государственные и общественные кризисы могли решаться путём династических войн. Таким образом, становится понятно, почему О.Шпенглер, рассматривая специфику политического взаимодействия в эти периоды, так акцентирует внимание на формах, в которых проявлялись кризисы до XIX века: «...большинство великих кризисов принимают форму войн за наследство» [2, с.186]. Однако, анализируя положение дел в

XIX веке, немецкий философ видит другую возможную форму преодоления кризиса. Здесь соотношение «кризис – война» заменяется на другое возможное соотношение – «кризис – компромисс». В подтверждение этого, у О. Шпенглера читаем: «Если XIX век небогат большими войнами (и революциями) и самые тяжелые кризисы были преодолены дипломатическими средствами, на конгрессах, то причина этого заключается как раз в постоянной сверхнапряженной готовности к войне...» [2, с. 456]. При этом преодоление кризиса «дипломатическими средствами» – это скорее та действительность, которая возникает в связи с необходимостью избежать насилия, чем как возможность, которая может быть реализована.

В результате проведенного исследования феномена кризиса в философии О.Шпенглера можно сформулировать следующие выводы: 1) методологический аспект реализуется через признание завершенности систематической и этической философии, а также необходимости создания новой методологии. Здесь предполагается существование современной философии именно как истории философии, и основным инструментом планируется современный скептицизм, историчный по своей сути. Также Шпенглером предлагается использование «пограничного» метода – «метода сравнительной исторической морфологии»; 2) «кризис современности», о котором пишет немецкий философ, – это не только кризис культуры (осмысленный через проблемы «мирового города» и «массы»), но и кризис философии, а также и историко-политический кризис.

Перспективой дальнейших исследований может быть то, что анализ феномена кризиса в философии О.Шпенглера возможно расширить. В том числе благодаря реализации историко-философского исследования посредством рассмотрения феномена кризиса в построениях других представителей «философии жизни» (А. Бергсон, Г. Зиммель и др.).

Библиографические ссылки

1. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / О. Шпенглер. – М. : Мысль, 1998. – 663 с.
2. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 2. Всемирно-исторические перспективы / О. Шпенглер. – М. : Мысль, 1998. – 606 с.

Карпова С.Г. Феномен кризи в філософії О. Шпенглера.

Проаналізовано феномен кризи в філософії О.Шпенглера. Виявлені та досліджені в працях О.Шпенглера наступні типи кризи: «криза культури», «криза філософії», «історико-політична криза». Проведено дослідження методологічного аспекту феномену кризи. Розглянуто форми і сутність «великої кризи сучасності».

Ключові слова: криза, криза культури, криза філософії, методологія, скептицизм, порівняльна історична морфологія, феномен.

Karpova S. Phenomenon of crisis in philosophy of O. Spengler.

The phenomenon of crisis in philosophy of O. Spengler is analyzed. Was detected and investigated such types of crisis: «crisis of culture», «crisis of philosophy», «the historical and political crisis». The methodological aspect of the phenomenon of the crisis was studied. The form and essence of the «great crisis of our time» was considered.

Modern man actualizes «crisis» for himself and the world. At the same time, he often tries to understand not so much the «essence» of the crisis, as its «existence». In fact, the surface layer is perceived, and the depth is beyond even the possibility of knowledge. Thus, the epistemological function is secondary to the ontological. Therefore works, relevant to modern scientific knowledge, remain of those philosophers who tried to grasp not only of existence, but the very essence of the crisis. One of these authors was a representative of the German philosophy of life, Oswald Spengler. Consistent and in-depth analysis of Spengler's philosophy might help to get closer to understanding the essence of the crisis and to comprehend the crises faced by modern man.

Recent publications which partially treated researched problem, not enough open this topic. Most relevant to this issue are studies that are carried out by O. Bazaluk - Ukrainian philosopher, as well as by the Russian researcher T.Sidorinoy.

The purpose of this study - a comprehensive analysis of the phenomenon of the crisis in Spengler's philosophy. The main tasks will be here as the detection and study of the methodological aspects of the crisis, as well as clarification of the essence of the «crisis of modernity» represented by the German philosopher.

Spengler analyzes the decline of Europe as a phenomenon as recorded in the space- time frame,

and because we can assume the identity of concepts «sunset» and «crisis» in the constructions of the German philosopher, then, respectively, and the crisis is seen as a «phenomenon».

Learning the «great crisis of modernity» implies methodological aspect . On the one hand - it is questioning the modern man and focus on the metaphysical context of the era. On the other hand - the understanding that there is a crisis in philosophy, and in this regard the need to find a new method to the point of historical and philosophical. This method - the «method of comparative historical morphology» is for analysis of the crisis of contemporary culture. Spengler also has a modern skepticism, historicity in essence, for the analysis of the philosophical aspects.

Crisis of culture , in terms of Spengler, due to the emergence of a «world city» and the «masses». German philosopher leads the features characteristic of the «great crisis of our time».

Most clearly historical- political theme consideration the phenomenon of the crisis manifested in the constructions of the German philosopher, when he analyzes the social development of the Middle Ages and modern times. Here crisis can be represented in the form of «war of succession» or in the form of a compromise.

The study of the phenomenon of the crisis in Spengler's philosophy can formulate the following conclusions: 1) methodological aspect is realized through the recognition of completion of a systematic and ethical philosophy , as well as the need for a new methodology. It assumes the existence of modern philosophy precisely as the history of philosophy and the main tool is planned modern skepticism, historicity in its essence. Spengler also proposes the use of «boundary» method - the «method of comparative historical morphology»; 2) «crisis of modernity», which the German philosopher writes about - is not only a crisis of culture (through meaningful problem «world city» and «mass»), but also a crisis of philosophy, as well as historical and political crisis.

The prospect of further studies may be that the analysis of the phenomenon of the crisis in philosophy of Spengler may expand. Including through the implementation of historical and philosophical studies by considering the phenomenon of the crisis in the constructions of other members of the «philosophy of life» (Bergson , G.Simmel etc.).

Key words: crisis, a crisis of culture, a crisis of philosophy, methodology, skepticism, comparative historical morphology, phenomenon.

Надійшла до редколегії: 28.03.2014

УДК 111.82

М. С. Ковалець

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

КОРЕЛЯЦІЯ ОБ'ЄКТІВ І ГІПЕР-ОБ'ЄКТІВ В НОВІЙ МЕТАФІЗИЦІ

Проаналізована кореляція ідеальних, реальних, чуттєвих об'єктів і гіпер-об'єктів в новій метафізиці. Постулюється необхідність заміщення проблематики простих об'єктів гіпер-об'єктами, посилюючись на події, що відбуваються у глобалізованому світі.

Ключові слова: гіпер-об'єкт, інструментальний аналіз, реконструкція заміщення, нова метафізика, об'єкт

Актуальность рассмотрения корреляции объектов и гипер-объектов в новой метафизике опосредована необходимостью выявления их истинных отношений исходя из отказа от догматической картины мира. Отказ от догматизма опосредован тем, что его механизмы не срабатывают в XXI веке. Новая метафизика всецело поглощена в корреляционное взаимоотношение идеальных (чувственных), реальных объектов и гипер-объектов. Данная проблематика реализована в современном философском направлении – спекулятивном реализме, в частности, в книге Грэма Хармана «Хайдеггер и метафизика объектов», в статье «О замещающей причинности» и в основном труде Тимоти Мортон «Гипер-объекты: философия и экология после конца света». Харман отталкиваясь от идеальных объектов Гуссерля, рассматриваемых им в его «Логических исследованиях», трансформирует их в чувственные объекты, при этом привязывает к ним ряд новых характеристик. Реальные же объекты, исследуемые в работе Хайдеггера «Исток художественного творения», Харман преобразовывает в инструменты, с помощью Хайдеггеровского инструментального анализа. На данный момент конечную цепь объектов завершают гипер-объекты, представленные в новой метафизике Мортон. Предмет данного исследования: новая метафизика с ориентацией на объектные отношения. Объект: корреляция об-